УДК 947.088(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-136-148

Партийный контроль за деятельностью историков в новосибирском Академгородке (1970 год)

И. С. Кузнецов

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Публикуемое постановление бюро Новосибирского обкома КПСС «О работе Института истории, филологии и философии СО АН СССР» от 26 мая 1970 г. отражает систему контроля за деятельностью научной интеллигенции, прежде всего гуманитариев. Они рассматривались партийными органами в первую очередь в качестве «бойцов идеологического фронта», от них требовалось неукоснительное следование принципам «марксизма-ленинизма», а по сути дела – очередным официальным установкам. Основное внимание в данном документе уделялось историкам, которые занимали доминирующее положение в названном институте, а их работы нередко носили весьма политизированный характер. В постановлении содержались резкие оценки в связи с рядом «ошибок» в деятельности данного института. В целом это отражало общую консервативную тенденцию в политике КПСС на рубеже 1960–1970-х гг.

Ключевые слова

Ф. С. Горячев, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирский обком КПСС, А. П. Окладников

Для цитирования

Кузнецов И. С. Партийный контроль за деятельностью историков в новосибирском Академгородке (1970 год) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 136–148. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-136-148

Party Control of Historians in the Novosibirsk Akademgorodok (1970)

I. S. Kuznetsov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The resolution by the bureau of the Novosibirsk regional committee of the CPSU “On the work of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR” dated May 26, 1970 reflects a system intended to control over the activities of academic society, primarily humanitarians. The party considered the scholars, and the historians in particular, as a “fighter” in the ideological battle who had to adhere to the principle of “Marxism-Leninism”, and, in fact, to all official guidelines consistently developed by the CPSU. The focus of this document is scholars who were involved in research projects of political nature. The resolution contains harsh assessments towards a number of “mistake” in the scientific activities of this institution. Among these mistakes the authors of the document mention the lack of adherence to ideological principles, widely spread in the collective of scholars of the Institute of history. Historians from the Institute get a lot of criticism from the CPSU functionaries for the absence of political and organizational public work in the city, and also for weak methodological and ideological influence on the other scientific organizations in Akademgorodok, as well as on the departments and sections of social

© И. С. Кузнецов, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History

sciences in the Novosibirsk universities. On the whole, this reflected a general conservative trend in accordance with the requirements of the CPSU of the 1960–1970s.

Keywords

F. S. Goryachev, Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Novosibirsk Regional Committee of the CPSU, A. P. Okladnikov

For citation

Kuznetsov I. S. Party Control of Historians in the Novosibirsk Academgorodok (1970). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 136–148. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-136-148

В настоящее время история СО РАН, Новосибирского научного центра (далее ННЦ) вызывает растущий интерес не только историков, но и широкой общественности. Это в немалой степени обусловлено ролью названных научно-образовательных структур в развитии социально-культурной жизни региона и страны в целом. Очевидно, что будущее России в современном мире, в постиндустриальном, информационном обществе, в значительной мере определяется ее научно-образовательным потенциалом. С этой точки зрения интеллектуальные ресурсы, сконцентрированные в Сибири, представляются фактором глобального значения и важным условием успешного развития нашей страны. Все это заслуживает дополнительной фундаментальной оценки с учетом осуществляемого в настоящее время радикального реформирования академической науки и всего отечественного научно-образовательного комплекса.

Актуальность темы обусловлена также ролью исторической науки в современном социуме вообще и конкретно в советскую эпоху. Известно, что познание прошлого, адекватное усвоение исторического опыта имеют большое не только научное, но и практическое значение. Формирование верных исторических ориентиров способствует успешной реализации государственной политики. Одним из ярких примеров такого рода может служить поворот в пропаганде и в отношении к истории, развернувшийся накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Напротив, неспособность правящих кругов и «интеллектуальной элиты» адекватно интерпретировать исторический опыт, усугубленные конформизмом и сервилизмом исторической науки, способствуют дезориентации общественного сознания со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями. Весьма важно, что в настоящее время руководство нашей страны последовательно выступает за объективное изучение всей «тысячелетней» истории России, против различных ее искажений.

С этой точки зрения особый интерес представляет деятельность ученых-историков в новосибирском Академгородке с учетом специфики его не только как места жительства и работы сотрудников СО АН / РАН, но и уникального социально-культурного феномена. При этом следует иметь в виду, что в рассматриваемый период значение сибирского наукограда выходило далеко за рамки одной из научно-организационных структур. Тогда он имел всероссийскую и мировую известность, воспринимался как «город будущего» и «оазис свободы». В связи с этим даже, казалось бы, не столь уж масштабные события, касающиеся этого локального социума, представляются весьма значимыми в общероссийском ракурсе.

Главная особенность историографической ситуации в изучении данной темы определяется отсутствием на сегодняшний день обобщающих трудов не только о взаимоотношениях историко-научного сообщества ННЦ с властными структурами, но и в целом о развитии исторической науки в этом кластере АН СССР / РАН. Более того, даже отдельные аспекты данной проблематики (скажем, история гуманитарного факультета НГУ, Института истории, филологии и философии СО АН, далее ИИФФ) изучены слабо. Это особенно бросается в глаза в сравнении с исследованием истории научно-образовательных структур ряда других регионов. Скажем, исторической науке и образованию в Томском университете посвящена монография [Хаминов, 2011].

Казалось бы, с кардинальной трансформацией социально-политической системы в нашей стране, устранением идеологических ограничений условия для исследования интересующей

нас темы должны были радикально измениться в лучшую сторону. Однако эта потенциальная возможность пока не реализована в должной мере, о чем рельефно свидетельствует фундаментальный исторический очерк к 50-летию СО АН СССР / РАН. Исторической науке здесь посвящено около страницы, причем основная часть этого текста освещает успехи археологов, из которых называются академики А. П. Окладников, А. П. Деревянко и В. И. Молодин. Из других достижений сибирских историков в рассматриваемом труде упоминаются многотомные труды «История Сибири», «История рабочего класса Сибири», «История крестьянства Сибири», а также отмечается значение археографических экспедиций под руководством Н. Н. Покровского [Российская Академия наук..., 2007. С. 253–254].

Наиболее обобщающая картина исторических исследований в нашем регионе дается в «Исторической энциклопедии Сибири», где помещен обширный текст «Историография Сибири». Он представляет собой комплекс очерков, подготовленных группой авторов, об изучении различных периодов и проблем истории Сибири [Историческая энциклопедия Сибири, 2009. С. 671–702]. Однако развитие исторической науки здесь, как и было заложено в концепцию данного издания, рассматривается сугубо с точки зрения исследовательской проблематики, а институциональные и политико-идеологические аспекты почти не затрагиваются.

Определенным исключением в этом плане является входящий в названную публикацию очерк В. А. Ильиных «Крестьянство и сельское хозяйство». Так, характеризуя «доперестроечную» историографию данной темы, названный автор показывает значительное воздействие политико-идеологических факторов на труды историков [Там же. С. 688].

Значимым событием в изучении темы стала публикация книги ветерана НГУ профессора В. Л. Соскина, в которой синтезированы качества мемуаров и исследовательской работы [Соскин, 2008]. Рассматриваемая книга отличается богатством фактического материала, принимая во внимание, что автор был в гуще описываемых событий. Что особенно ценно в контексте исследуемой темы, названный автор прослеживает воздействие на деятельность историков различных властных структур, описывает в этой связи ряд острых ситуаций. Вместе с тем ряд значимых эпизодов такого рода не нашел отражения на страницах данной книги, в частности события 1968 г. и последовавший прессинг в отношении М. М. Громыко, Л. М. Горюшкина и позднее Ю. М. Марченко. При этом следует иметь в виду специфику источниковой базы данного ценного труда: он основан преимущественно на личных воспоминаниях. В момент написания книги мемуарист, как он сам сообщил автору настоящей статьи, не располагал соответствующей документацией, в том числе материалами партийной организации ИИФФ СО АН.

Значительную ценность в контексте исследуемой темы представляют также работы, посвященные отдельным отраслям исторической науки и некоторым историкам, – в наибольшей степени это касается археологии и академика А. П. Окладникова. Ряд ценных свидетельств о политико-идеологических аспектах деятельности этого выдающегося ученого содержится в публикациях академика В. И. Молодина [2013; 2015]. Наиболее же обстоятельным трудом об А. П. Окладникове, да и вообще о ком-либо из историков, работавших в ННЦ, является работа А. К. Конопацкого. В ее втором томе описывается новосибирский период биографии А. П. Окладникова, при этом, хотя основное внимание уделяется его экспедициям и научным трудам, сформулирован и ряд значимых положений о нем как научном лидере и политике [Конопацкий, 2001; 2009].

Автор справедливо подчеркивает: «Оценивая вклад А. П. Окладникова в развитие гуманитарных наук в Сибири, можно сказать, что он сделал все, что было возможно в тех условиях. Когда сила партийного начальства распространялась на все сферы деятельности, Алексей Павлович смог “выруливать”, защищая интересы института и не вызывая серьезного недовольства со стороны партийного руководства. А оно не только не жаловало особо ученых как носителей вольнодумства и свободомыслия, но под особым контролем держало гуманитариев» [Конопацкий, 2009. С. 190–195].

Из числа других историков особое внимание привлекли политико-идеологические аспекты деятельности известного исследователя советского крестьянства Сибири профессора Н. Я. Гущина. Это, видимо, объясняется и особой политической актуальностью трудов названного историка, и его общественным статусом (в 1960-е гг. он некоторое время был заведующим кафедрой истории КПСС НГУ, секретарем университетского партийного комитета, затем деканом гумфака). Дополнительный интерес к этой фигуре связан и с тем, что ему в свое время пришлось столкнуться с особенно резким прессингом со стороны историков-консерваторов, что нашло отражение в ряде чрезвычайно показательных документов, – по существу, доносов (см.: [Ильиных, 2004; Кузнецов, 2009] и др.).

Как видим, на сегодняшний день деятельность историков в новосибирском Академгородке, а тем более их взаимоотношения с властно-идеологическими структурами подверглись лишь фрагментарному исследованию. При этом в названных публикациях приводится минимальный фактический материал о партийном контроле над историко-научным сообществом Академгородка, и нигде не упоминается ключевой документ такого рода, который публикуется здесь.

Недостаточное внимание в трудах по истории СО АН / РАН к гуманитарным наукам, видимо, в немалой степени объясняется их реальным местом в ННЦ. В свое время автор первой и единственной обобщающей работы по истории нашего наукограда – профессор Принстонского университета (США) П. Джозефсон обратил внимание на диспропорции здесь в развитии различных наук. Однако и сам этот автор весьма избирательно подошел к повествованию о тех или отраслях научного знания, в частности практически ничего не сказал о гуманитаристике [Josephson, 1997. P. 156].

Видимо, не будет ошибкой констатация того факта, что в ННЦ гуманитарные науки всегда находились на положении «бедного родственника». В годы становления Академгородка, в «эпоху Лаврентьева», это можно объяснить следующими факторами. Во-первых, «отцы-основатели» Академгородка были типичными представителями сциентистского, технократического сознания. Они верили во всецелое «настоящей науки» (в первую очередь математики и физики) и не воспринимали всерьез гуманитариев. Во-вторых, в то время «обществоведы» – не без оснований – рассматривались как «агенты влияния» партийно-идеологических структур. Всем еще были памяты «дискуссии» по проблемам генетики, теории относительности и т. п., поэтому имелись немалые опасения относительно повторения такого рода акций. В-третьих, после низвержения главного «покровителя» М. А. Лаврентьева – Н. С. Хрущева сибирский Город науки все более терял расположение правящих кругов и свое «привилегированное» положение. В этом процессе властные верхи использовали те или иные проявления идеологической «крамолы» в Академгородке. Пытаясь минимизировать такого рода риски, руководство СО АН не избегало соблазна «переводить стрелки» на гуманитариев, которые представлялись не только учеными «второго сорта», но еще и идеологически сомнительными людьми.

Своей кульминации эта тенденция достигла после известных событий 1968 г. – «фестиваля бардов» и «письма сорока шести». Видимо, пытаясь «обелить» себя, руководство СО АН выдвинуло идею перевода гуманитарного факультета НГУ в Красноярск под предлогом его «нерентабельности» (слишком много преподавателей на такое небольшое число студентов). Эту идею декларировал М. А. Лаврентьев и поддержал ректор НГУ С. Т. Беляев. Из числа ведущих ученых против выступили лишь академик А. Д. Александров и чл.-корр. А. А. Ляпунов.

В такой чрезвычайной ситуации свое веское слово сказали партийные органы, – против решительно высказался секретарь партийного комитета НГУ В. А. Демидов. Виктор Александрович в то время был доцентом главной общественно-научной структуры нашего вуза – кафедры истории КПСС, а с 1974 по 1996 г. являлся ее заведующим (с 1989 г. она стала именоваться кафедрой политической истории, а с 1993 – истории России). Наше поколение помнит его как человека довольно консервативных убеждений, но при этом он имел решитель-

ный, бойцовский характер. Тем не менее, как представляется, его позицию в данном остром конфликте вряд ли можно объяснить только личными качествами. Хотя документальные свидетельства по этому поводу отсутствуют (в те времена тоже существовало «телефонное право»!), логично предположить, что позиция парткома поддерживалась, а быть может, и инициировалась обкомом КПСС.

Конечно, было бы наивно представлять деятелей обкома, таких как его первый секретарь Ф. С. Горячев или второй секретарь (ответственный за идеологию) М. С. Алферов, в роли «покровителей» гуманитарных наук. Здесь могли сыграть свою роль два фактора. Во-первых, стремление областного руководства воспользоваться ситуацией, чтобы усилить вмешательство в дела СО АН, которое в предшествующие годы обладало относительной независимостью от партийного начальства. Во-вторых, партийные органы рассматривали гумфак НГУ как «машину» по подготовке «идеологических кадров», поскольку все остальные новосибирские структуры (Высшая партийная школа, Педагогический институт), естественно, не давали такого «качественного продукта».

В принципе это был правильный курс: постепенно выпускники гумфака составили значительную часть преподавателей вузовских «идеологических» кафедр, – в первую очередь истории КПСС, а также в какой-то мере философии и научного коммунизма. Это был важный канал партийного влияния, поскольку данные предметы преподавались студентам всех специальностей, причем, весьма обстоятельно, – скажем, история КПСС изучалась в течение трех семестров! Кроме того, сотрудники указанных кафедр обычно выдвигались на ответственные общественные должности (например, возглавляли вузовские партийные организации) и широко привлекались к лекционной работе среди населения. Вдобавок к этому ряд представителей гумфака заметно усилил кадры штатных партийных функционеров. Так, доцент В. И. Варющенко возглавил лекторскую группу обкома (в то время важнейшую идеологическую структуру), один из выдающихся выпускников данного факультета В. А. Миндолин в течение ряда лет руководил Советским райкомом КПСС, а в 1990 г. стал первым секретарем обкома, другой его выпускник Е. А. Вавилин – вторым секретарем. Еще целый ряд питомцев гумфака в разные годы были заметными фигурами в партийном и комсомольском руководстве Советского района.

Как видим, позиция партийных органов в отношении историко-научного сообщества Академгородка не была однозначной. В принципе, партийные инстанции рассматривали историков как «идеологических бойцов» и считали себя вправе вмешиваться в их научную деятельность. Публикуемый документ ярко выявляет эту «охранительную» функцию, содержит довольно резкие выпады против уважаемых ученых.

При этом следует в полной мере представлять общий исторический контекст происходивших событий. Как известно, во второй половине 1960-х гг., особенно после подавления «пражской весны», в политике правящих кругов СССР усилились консервативные тенденции. Помимо прочего, это выразилось в преследовании тех или иных проявлений инакомыслия. Охранительные меры в отношении гуманитарной интеллигенции вошли в историю под образным названием «трапезниковщины», поскольку многие связывали их с С. П. Трапезниковым. Этот известный историк заведовал отделом науки ЦК КПСС и лично дружил с Л. И. Брежневым. Названный деятель зарекомендовал себя как последовательный консерватор, однако, разумеется, не он определял основную линию (так же в свое время говорилось о «ежовщине»).

В те годы развернулся прессинг в отношении «очернительства» (работы В. П. Данилова о коллективизации, А. М. Некрича о Великой Отечественной войне), а затем и против еще более умеренного свободомыслия – так называемого «нового направления». Понятно, что в этих условиях наши обкомовские деятели, сами «выросшие из сталинской шинели», охотно осуществляли прессинг в отношении ученых Академгородка.

Однако, думается, нет оснований преувеличивать остроту ситуации. На примере попытки «изгнания» гумфака из НГУ уже подчеркивалась неоднозначность позиции партийных ин-

станций. Кроме отмеченных мотивов их реакции на «идеологическую крамолу», следует иметь в виду еще один: слишком раздувать «охоту на ведьм» также было рискованно. Во-первых, тогда Академия наук еще была весьма влиятельной структурой, с которой нельзя было запросто поспорить. Во-вторых, выявление «опасной ереси» означало признание несостоятельности собственной «идеологической работы».

Характерно, что в публикуемом документе после всех инвектив в адрес «ошибающихся» не фигурировали какие-либо санкции в отношении директора ИИФФ А. П. Окладникова или конкретных «провинившихся». О том, что это нетривиальный факт, свидетельствует его сравнение с событиями начала 1980-х гг. Речь идет о реакции партийных органов на доклад академика Т. И. Заславской, вошедший в историю под образным названием «Сибирского манифеста» (апрель 1983 г.). Он имел значительный резонанс, в том числе на Западе, и стал своего рода первой наметкой последующих рыночных реформ. В постановлении бюро Новосибирского обкома КПСС от 13 сентября 1983 г. это событие преподносилось следующим образом: «Управление по охране государственных тайн в печати Новосибирского облисполкома отказало в публикации доклада в открытой печати. После этого он был опубликован в Институте экономики и организации промышленного производства в количестве 70 экземпляров с грифом “для служебного пользования”. В результате несоблюдения элементарных правил обращения с подобного рода материалами в институте допущена утеря двух экземпляров доклада. В августе с. г. появились выдержки из него в зарубежной буржуазной прессе с комментариями антисоветского характера»¹.

В итоге – беспрецедентный случай в истории нашей науки! – бюро обкома объявило строгий выговор сразу двум академикам – А. Г. Аганбегяну (директору названного института) и Т. И. Заславской. Впрочем, этим «репрессии» и ограничились – названные «корифеи науки» остались на своих местах, а при Горбачеве и Ельцине стали основными теоретиками «перехода к рыночной экономике».

В рассматриваемом же постановлении не обнаруживается ничего подобного. Следует иметь в виду, что и в последующие годы обкомовские деятели «держали нос по ветру». Характерна в этом смысле история с докладной запиской «О некоторых нездоровых тенденциях в идеологической и воспитательной работе на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета»². В сентябре 1973 г. ее направил в обком КПСС один из преподавателей-историков гумфака, который не отличался особым интеллектом и не пользовался уважением студентов. Комиссия по проверке этого доноса, назначенная обкомом, не поддержала основные обвинения в адрес руководства факультета. В итоге ректор НГУ С. Т. Беляев к всеобщей радости уволил этого доцента (тот был в НГУ совместителем, а штатным сотрудником – в ИИФФ).

Кроме ранее отмеченных факторов, на такой исход конфликта могли повлиять еще два обстоятельства. Во-первых, к тому времени острота борьбы с «инакомыслящими» уже прошла, большинство их примирилось с «новыми правилами игры», а партийным органам не было никакого резона раздувать огонь. Во-вторых, доносчик не учел, что «вип-персоны» гумфака – декан И. А. Молетотов и зав. кафедрой истории СССР Н. Я. Гуцин – не были «беспомощными овечками». Они имели опыт работы в партийных органах, сохраняли там связи (а Молетотов, видимо, еще и с КГБ). Так что этот «орешек» оказался «бдительному товарищу» не по зубам.

В 1970 г., когда принимался публикуемый документ, ситуация существенно иная – борьба с «крамолой» еще в самом разгаре.

Обращаясь далее к непосредственной характеристике публикуемого текста, следует подчеркнуть, что в практике Новосибирского обкома он являлся самым обширным документом, посвященным деятельности гуманитариев Академгородка, да, пожалуй, и всего Сибирского отделения АН. В связи с этим можно предположить, что, кроме задачи «идеологического

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 93. Д. 72. Л. 13–14, 73–74.

² Там же. Оп. 76. Д. 158. Л. 1–14, 16–19.

контроля» за данной группой научного сообщества, публикуемое постановление преследовало еще одну цель: в контексте ранее отмеченного противостояния обкома КПСС и СО АН нанести еще один удар «сибирской академии» – в ее самое уязвимое место.

Как следует из публикуемого источника, основное внимание и наиболее существенные нарекания здесь адресованы именно историкам, что вполне понятно: они занимали доминирующее положение в единственном гуманитарном НИИ Академгородка, а их труды, как представлялось «идеологическим контролерам», было оценить проще, чем работы, скажем, философов, а тем более филологов.

Характеризуя публикуемый документ, следует подчеркнуть, что мы не располагаем исчерпывающими данными об обстоятельствах его появления. В принципе, порядок подготовки такого рода текстов был следующий: назначение комиссии для изучения вопроса, ее доклад на заседании бюро соответствующего парторгана, прения и лишь в итоге – принятие постановления. Однако с конца 1950-х гг. в партийном делопроизводстве установилась практика, когда фиксировался лишь финальный документ – постановление.

Среди документов, хранящихся в ГАНО, нам встретилось единственное исключение из такого рода сценария. Речь идет о протоколе заседания бюро Советского райкома КПСС от 17 мая 1973 г. по «делу СКБ ГИТ», где зафиксированы выступления участников этого обсуждения³. Возможно, такой делопроизводственный казус обусловлен исключительной «щекотливостью» ситуации: ведь на заседании разбиралось «дело» чл.-корр. Б. В. Войцеховского – лауреата Ленинской премии, «любимца» М. А. Лаврентьева.

Отмеченные особенности партийного делопроизводства, разумеется, несколько затрудняют интерпретацию публикуемого документа, – как видно из текста данной вступительной статьи, порой, не располагая всей совокупностью фактов, приходится в большей мере руководствоваться объективной логикой событий. Тем не менее, как представляется, данная публикация дает значительные возможности для раскрытия механизма партийного контроля за деятельностью историко-научного сообщества в новосибирском Академгородке.

Публикация осуществляется по упрощенным правилам издания исторических источников. Нумерация листов архивного документа приводится в круглых скобках.

Список литературы

- Ильиных В. А.** Методы и содержание одной из «научных» дискуссий конца 1960-х гг.: Ф. С. Пестриков и А. Н. Резниченко против Н. Я. Гущина // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 14–33.
- Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1. 715 с.
- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт (академик А. П. Окладников: страницы биографии). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 492 с.
- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников: страницы биографии. Новосибирск: Новый хронограф, 2009. Кн. 2. 549 с.
- Кузнецов И. С.** Историографическое наследие Н. Я. Гущина и современные исследования по истории коллективизации // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 54–60.
- Молодин В. И.** Академик Окладников – страницы творчества (в честь 105-летнего юбилея). Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2013. 119 с.
- Молодин В. И.** Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 311 с.
- Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

³ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 3. Д. 170. Л. 101–113. Следует отметить, что в соответствующем архивном деле отсутствуют доклад комиссии и заключительная часть протокола прений.

- Соскин В. Л.** Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии. Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2008. 188 с.
- Хаминов Д. В.** Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
- Josephson P.** New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, New Jersey, Princeton Uni. Press, 1997, 351 p.

References

- Плынькх В. А.** Metody i sodержanie odnoi iz “nauchnykh” diskussii kontsa 1960-kh gg.: F. S. Pestrikov i A. N. Reznichenko protiv N. Ya. Gushchina [Methods and Content of One of the “Scientific” Discussions of the Late 1960s: F. S. Pestrikov and A. N. Reznichenko vs N. Ya. Gushchin]. In: Sibirskaya derevnya: problemy istorii [Siberian Village: Issues of History]. Novosibirsk, 2004, p. 14–33. (in Russ.)
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Izdatel'skii dom “Istoricheskoe nasledie Sibiri”, 2009, vol. 1, 715 p. (in Russ.)
- Josephson P.** New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, New Jersey, Princeton Uni. Press, 1997, 351 p.
- Khaminov D. V.** Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v. [Historical Education and Science at Tomsk University in the Late 19th – Early 21st Century]. Tomsk, TSU Press, 2011, 270 p. (in Russ.)
- Konopatsky A. K.** Proshlogo velikii sledopyt (akademik A. P. Okladnikov: stranitsy biografii) [The Great Ranger of Past (Academician A. P. Okladnikov: Pages of Biography)]. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf, 2001, 492 p. (in Russ.)
- Konopatsky A. K.** Proshlogo velikii sledopyt. Akademik A. P. Okladnikov: stranitsy biografii [The Great Ranger of Past. Academician A. P. Okladnikov: Pages of Biography]. Novosibirsk, Nyyi Khronograf, 2009, book 2, 549 p. (in Russ.)
- Kuznetsov I. S.** Istoriograficheskoe nasledie N. Ya. Gushchina i sovremennye issledovaniya po istorii kollektivizatsii [Historiographical Heritage of N. Ya. Gushchin and Modern Studies on the History of Collectivization]. In: Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI v. [Issues of Agrarian and Demographic Development of Siberia in the 20th – Early 21st Century]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk, 2009, p. 54–60 (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik Okladnikov – stranitsy tvorchestva (v chest' 105-letnego yubileya) [Academician Okladnikov – Pages from Scientific Work (Celebrating the 105th Anniversary)]. Training Manual. Novosibirsk, NSU Press, 2013, 119 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Ocherki istorii sibirskoy arkheologii [Essays on the History of Siberian Archaeology]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, 311 p. (in Russ.)
- Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskii ocherk [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. A Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 510 p. (in Russ.)
- Soskin V. L.** Novosibirskii nauchnyi tsentr: issledovaniya po noveishei otechestvennoi istorii: ocherk istorii i istoriografii [Novosibirsk Scientific Center: Research on Modern Russian History: An Outline of History and Historiography]. Training Manual. Novosibirsk, NSU Press, 2008, 188 p. (in Russ.)

**Постановление бюро Новосибирского обкома КПСС
«О работе Института истории, филологии и философии СО АН СССР».**

26 мая 1970 г.

(л. 6) Институт истории, филологии и философии, как самостоятельное научное учреждение СО АН СССР, создан в 1966 г. на базе отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства.

Дирекцией, партийной организацией института за этот период проведена работа по организации и формированию коллектива, росту его квалификации, определению и развитию основных научных направлений. В составе института 117 сотрудников, в том числе 1 академик, 9 докторов и 29 кандидатов наук. Почти все научные подразделения возглавляют ученые-коммунисты.

Коллективом института выполнены значительные научные исследования. В материалах по археологии отражена обширная деятельность археологов во главе с академиком (л. 7) Окладниковым А. П. по изучению древней истории края, имеющая актуальное политическое значение, прежде всего для разоблачения территориальных притязаний и шовинистических концепций маоистов. Значительное место занимают исследования по истории социалистической Сибири, особенно по проблемам развития советского рабочего класса и крестьянства. Сотрудниками института с участием ученых вузов издана пятитомная «История Сибири», являющаяся серьезным достижением сибирских историков. Она представляет полезное пособие в работе преподавателей общественных наук, учителей истории школ, студентов исторических факультетов, пропагандистов.

Институт становится объединяющим центром научных сил, изучающих проблемы истории Сибири и Дальнего Востока, оказывает влияние на координацию их исследовательской работы. Возрастает роль института в подготовке научных и научно-педагогических кадров для сибирских вузов.

Вместе с этим дирекцией, партийной организацией института допущены и серьезные ошибки.

Имелись нарушения ленинских норм подбора и расстановки кадров. В штат научных сотрудников без достаточного изучения были зачислены люди, не обладающие необходимыми политическими и деловыми качествами.

Дирекция и партийная организация института несут ответственность за комплектование и работу лаборатории историко-географических и социологических исследований, руководители которой (Лукинский Ф. А., Пусеп А. Г.) встали на путь частнопредпринимательской деятельности и нанесли большой материальный ущерб государству¹. Ошибки в подборе и расстановке кадров породили трудности во взаимоотношениях в коллективе, мешают его сплочению и повышению боевитости.

Руководство института не уделяло должного внимания идейно-политическому воспитанию коллектива, не предъявляло высокой требовательности и не создало обстановки нетерпимости к недостаткам, взыскательности каждого ученого к собственной работе, самокритичной оценки ее результатов.

Политической незрелостью и безответственностью объясняется то, что некоторые работники института поставили свои подписи под клеветническим письмом (Рожнова С. П., Громыко М. М., Черемисина М. И.), которое было (л. 8) использовано буржуазной пропагандой в антисоветских целях².

Серьезные упущения в идейно-политическом воспитании коллектива, отсутствие высокой требовательности сказались и на научной продукции. Даже в пятитомной «Истории Сибири», особенно в четвертом и пятом томах, имеются существенные пробелы и ошибки: недостаточно использовано ленинское теоретическое наследие, высказывания В. И. Ленина о Сибири, слабо освещена роль партийного руководства социалистическим строительством, при характеристике хозяйственного развития нередко подчеркнуты негативные события и про-

цессы. Наиболее крупные ошибки и даже грубые идейные срывы допущены в некоторых статьях, опубликованных в журнале «Известия СО АН СССР» (серия общественных наук). Политически незрелым и вредным является сообщение т. Горюшкина Л. М. в ленинском юбилейном номере журнала (№ 1, 1970 г.) об итогах научной конференции, проходившей в Свердловске в мае 1969 г. В нем с объективистских позиции излагаются антиленинские взгляды одного из докладчиков конференции – К. Н. Тарновского, выступившего за пересмотр марксистского положения о двух этапах революции, за замену теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую троцкистской теорией «непрерывной революции», за ревизию стратегии и тактики партии в период Великого Октября³.

Коммунисты, члены редколлегии журнала «Известия СО АН СССР» (серия общественных наук) не проявили партийной принципиальности в оценке публикуемых в журнале материалов.

Дирекция, партийная организация института недостаточно уделяли внимания учебно-воспитательной работе на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета, где по совместительству работает 15 сотрудников института. Среди отдельных студентов этого факультета наблюдались факты идейной расхлябанности и политической безответственности.

Институт еще не оказывает достаточного методологического влияния на другие академические институты Новосибирского научного центра. Он слабо связан с кафедрами общественных наук вузов города. Многие сотрудники не принимают участия в агитационно-пропагандистской работе среди трудящихся области.

Не отвечает требованиям уровень организационно-политической работы партийной организации института. Партийные собрания и заседания бюро продолжительное (л. 9) время проводились нерегулярно, обсуждаемые вопросы не всегда четко формулировались. До последнего времени работа планировалась неудовлетворительно, партийное хозяйство находилось в запущенном состоянии. Бюро слабо контролировало политическую учебу коммунистов, не уделяло достаточного внимания комсомольской организации.

Бюро обкома КПСС постановляет:

1. Дирекции института истории, филологии и философии (т. Окладников А. П.), партийному бюро (т. Васильевский Р. С.) устранить отмеченные недостатки, улучшить постановку научно-исследовательской работы в свете требований XXIII съезда партии, постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», проявлять постоянную требовательность к ученым за идейно-научное содержание печатных изданий. Обратит особое внимание на последовательное и неуклонное проведение принципа партийности в науке, четкость и ясность идейных позиций. Бережно охранять чистоту марксистско-ленинской теории, вести непримиримую борьбу против любых проявлений буржуазной идеологии, аполитичности. Повысить ответственность ученых за разработку проблем социалистического и коммунистического строительства. Считать одной из важнейших задач ученых института разоблачение националистических концепций маоистов и изучение вопросов осуществления ленинской национальной политики в Сибири, прогрессивного влияния русского народа на развитие экономики, социальных отношений и культуры малых народов.

2. Дирекции, партийному бюро института улучшить работу по подбору, расстановке кадров и их идейно-политическому воспитанию, глубокому изучению научными сотрудниками методологических проблем, ленинского теоретического наследия. Требовать от ученых института, ведущих по совместительству преподавание на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета, коренного улучшения воспитательной работы среди студентов. Признать обязательным участие научных сотрудников в идейно-политическом воспитании трудящихся г. Новосибирска и области.

3. Партийному бюро института повысить уровень организационно-партийной работы, поднять действенность партийных собраний, выносить на обсуждение коммунистов (л. 10)

принципиальные вопросы жизни и деятельности коллектива, активизировать работу профсоюзной и комсомольской организаций, добиваться роста общественной активности всех научных сотрудников по проведению агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся, развивать связи с рабочими коллективами города и области.

4. Рекомендовать Президиуму СО АН СССР оказать помощь институту в расширении материальной базы (строительство здания) и создании музея истории и культуры Сибири, определении научных направлений в дальнейшей деятельности института, становлении и развитии отдела философии. Укрепить редакционную коллегию журнала «Известия СО АН СССР» (серия общественных наук), повысить качество публикуемых в нем статей. Редколлегии более тщательно отбирать материалы для публикации, направлять их на внешнее рецензирование крупным специалистам, расширить круг авторов за счет ученых вузов Сибири.

5. Советскому райкому КПСС (т. Яновский Р. Г.) улучшить партийное руководство институтом, повысить боевитость его партийной организации с тем, чтобы Институт истории, филологии и философии действительно стал боевым идеологическим центром, способным оказывать влияние не только на развитие гуманитарных, но и естественных наук, на рост общественно-политической активности ученых институтов СО АН СССР.

ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3535. Л. 6–10. Машинописный подлинник

Примечания

¹ Лаборатория историко-географических и социологических исследований (ЛИГИСИ) действовала в 1969–1970 гг. формально под эгидой Всесоюзного географического общества. Фактически в ней работали 19 сотрудников ИИФФ СО АН. В качестве основного направления деятельности предполагалось написание истории ряда промышленных и аграрных предприятий. С ними были заключены соответствующие договоры и получены в качества аванса значительные денежные суммы. Однако в итоге ни одна запланированная книга так и не появилась, что вызывало все большую озабоченность руководства ИИФФ, поскольку это бросало тень и на институт. Данная проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях партбюро ИИФФ, в адрес ЛИГИСИ высказывались все более резкие нарекания. В том числе прозвучало и обвинение в «частнопредпринимательской деятельности». Тем не менее, каких-либо строгих санкций по юридической или партийной линии (9 сотрудников ЛИГИСИ были членами КПСС) не последовало. В итоге ограничились рекомендацией об упразднении ЛИГИСИ и увольнении из ИИФФ ее директора кандидата исторических наук Ф. А. Лукинского. Видимо, это «увольнение» было формальным, поскольку позднее под грифом ИИФФ была издана монография данного автора – весьма серьезная работа (см.: *Лукинский Ф. А. Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.): историко-статистическое исследование*. Новосибирск, 1982. 220 с.). Далее вплоть до упразднения ЛИГИСИ обязанности ее директора исполнял упоминаемый в постановлении А. Г. Пусеп – кандидат философских наук, специалист в области социологии образования.

В настоящее время затруднительно судить о причинах такого провала в работе «хозрасчетной организации» и мотивах относительной снисходительности партийных и иных органов. Дело в том, что деятельность ЛИГИСИ является одной из «загадок» истории Академгородка – на эту тему нет ни одной публикации. Что является сейчас редкостью, даже в Интернете отсутствуют специальные материалы на эту тему. Небольшая информация о ЛИГИСИ содержится лишь в интернет-тексте «Прошлое и настоящее Всероссийского географического общества и история его Новосибирского отделения». Его авторы – сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН доктор геолого-минералогических наук И. С. Новиков

и библиограф А. Н. Юмина. Однако названная работа не затрагивает рассматриваемых неоднозначных страниц истории ЛИГИСИ (см.: <https://yandex.ru/search/?lr=65&clid>).

В качестве наиболее очевидного объяснения неудачи ЛИГИСИ можно предположить недобросовестность ее руководства, тем более принимая во внимание памятный старшему поколению Академгородка своеобразный моральный облик Ф. А. Лукинского. Причины же «снисходительности» различных органов, возможно, были обусловлены его связями с «высшими кругами». Он в свое время окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, а ее выпускники составляли как бы некоторую замкнутую корпорацию. Кроме того, Лукинский числился «приемным сыном» Е. К. Лигачева (с 1965 г. – первого секретаря Томского обкома КПСС). Впрочем, можно предположить и иную трактовку данных событий: сотрудники ЛИГИСИ провели большую подготовительную работу, но не успели довести дело до конца. Не исключено, что они, как и знаменитый «Факел», попали под удар развернувшейся в это время в СССР кампании против «частнопредпринимательской деятельности».

Стоит отметить и последний, символический аккорд этой давней истории. Длительное время материалы, собранные сотрудниками ЛИГИСИ (в виде микрофильмов), хранились в одном из секторов Института истории СО РАН. Постепенно, видимо, сотрудники забыли о содержимом этих коробок, и во время одной из уборок они были выброшены как мусор и безвозвратно пропали.

² Имеется в виду «письмо сорока шести», когда в начале 1968 г. научные сотрудники СО АН и преподаватели НГУ выступили с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над «диссидентами» А. И. Гинзбургом, Ю. Т. Галансковым, А. А. Добровольским и В. И. Лашковой. Данная акция стала наиболее значительным для того периода проявлением оппозиционной активности ученых Академгородка и крупнейшим политическим действием такого рода в масштабах всей страны.

Из числа названных в публикуемом документе лиц наибольшую активность тогда проявила М. М. Громыко (1927–2020) – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором до-октябрьской истории в ИИФФ. После упомянутых событий она была отстранена от преподавания на гумфаке НГУ, а позднее и от заведования сектором. С 1977 г. жила в Москве, работала в Институте этнологии и антропологии РАН. Лауреат Госпремии РФ (1993).

М. И. Черемисина (1924–2013) в 1968 г. являлась старшим научным сотрудником ИИФФ, доцентом кафедры общего языкознания НГУ. После «письма сорока шести» также была отстранена от преподавания, но продолжала вести занятия «неофициально», в 1974 г. защитила докторскую диссертацию, с 1975 г. – профессор названной кафедры.

С. П. Рожнова в момент «подписантской акции» была аспиранткой ИИФФ. Ранее являлась известной общественной деятельницей Академгородка – секретарем райкома ВЛКСМ, одним из лидеров клуба «Под интегралом». За участие в «письме сорока шести» исключена из КПСС, работала в школе. В последующие годы – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН. Лауреат Госпремии РФ (в коллективе авторов).

³ Л. М. Горюшкин (1927–1999) на момент появления публикуемого документа являлся кандидатом исторических наук, зав. сектором в ИИФФ, доцентом кафедры истории СССР НГУ. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором названной кафедры. В 1990 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1991–1997 гг. директор Института истории СО РАН. Лидер научной школы по изучению истории Сибири конца XIX – начала XX в. В постановлении обкома имелась в виду его обзорная публикация о Всесоюзной конференции по проблеме «многоукладности российской экономики в период империализма». Острота нападок на ученого была связана с развернувшейся в это время кампанией против так называемого «нового направления». Так образно называли группу историков, которые выступали за преодоление догматического подхода к «ленинскому наследию», сформулировали ряд новаторских идей о развитии России в последние «дореволюционные» десятилетия. Наиболее ярким представителем этой группы был К. Н. Тарновский, иногда же в качестве ее лидера называют П. В. Волобуева, члена-корреспондента, в то время директора Института

истории АН СССР. После появления указанной публикации, видимо, с санкции «высших инстанций», по этому поводу состоялся ряд заседаний партбюро ИИФФ, в итоге Л. М. Горюшкину был объявлен «строгий выговор с занесением в учетную карточку» (в те времена для членов КПСС это было весьма серьезное наказание).

Материал поступил в редколлегию

Received

03.08.2020

Сведения об авторе

Кузнецов Иван Семенович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

ivan-kuz@list.ru

Information about the Author

Ivan S. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ivan-kuz@list.ru